

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Барсенков*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1991–1993)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассмотрены особенности внешней политики России на начальном этапе становления новой государственности в 1991–1993 гг. Проанализированы последствия реформ периода «перестройки» в 1985–1991 гг. для российской государственности. Раскрыты трудности системной трансформации российского общества после распада СССР. Кризис государственной субъектности рассмотрен как главное препятствие в проведении эффективной внутренней и внешней политики. Исследовано влияние внутренних трудностей на международное позиционирование страны. Отношения между Россией и Западом рассмотрены через концепт «конфликта ожиданий». Затронута проблема зарубежной поддержки президентской власти во время конституционного кризиса в 1993 г. Проанализировано влияние выборов в Федеральное Собрание и принятия Конституции 1993 г. на определение внешнеполитических приоритетов России.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешняя политика России, Б. Ельцин, У. Клинтон, «перестройка», российско-американские отношения, системная трансформация, постсоветское пространство, «конфликт ожиданий», иностранная помощь, конституционный кризис 1993 г.

История внешней политики России в 1990-е годы уже получила определенное отражение в литературе. Всплеск интереса к данной проблематике у отечественных исследователей пришелся на начало 2000-х годов, что было связано, с одной стороны, с желанием осмыслить опыт прошедшего десятилетия, а с другой – с появле-

* *Барсенков Александр Сергеевич* – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

нием нового лидера, которому после радикальных изменений 1990-х предстояло решать задачи по стабилизации новой системы общественных отношений [Два президентских срока В.В. Путина, 2008]. Большое внимание уделялось внешнеполитической сфере, что нашло отражение в появлении уже в 2000 г. новых концептуальных документов [Внешняя политика и безопасность современной России, 2010: 75–152]. Однако у большинства авторов доминировали критические оценки внешнеполитического курса России, особенно это касалось начала 1990-х годов. Интересные попытки осмысления политики новой России были предприняты за рубежом [Understandings of Russian Foreign Policy, 1999]. За прошедшее время появились новые источники, в том числе мемуарного плана, но главное – произошли качественные перемены в методологическом арсенале, значительно расширившие возможности анализа противоречивых событий мировой истории 1990-х годов.

Исследователей все больше привлекает синергетический подход [Кокошин, 2008]. Основанный на таких понятиях, как нелинейность, непредсказуемость, альтернативность развития, он интересен новым взглядом на развитие неустойчивых ситуаций в историческом процессе, требует учета случайностей, малых воздействий, которые невозможно предугадать. Использование методов, нелинейно описывающих развитие сложных общественных систем, позволило отказаться от транзитологической парадигмы, доминировавшей в 1990-х – начале 2000-х годов при изучении постсоциалистических стран [Мельвиль, 2004: 107]. Существенно бóльшим эвристическим потенциалом обладает теория системной трансформации, которая в силу ряда причин наиболее успешно апробирована на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Суть концепции состоит в признании того, что трансформация – это коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата [Яжборовская, 2008: 102]. Разработана классификация наблюдаемых в мире системных трансформаций [Глинкина, 2009: 338].

Происходящие в нашей стране в последние десятилетия события рассматриваются в контексте системной трансформации российского общества, начавшейся в середине 1980-х годов и продолжающейся поныне [Горбачев, Барановский, 2010]. Переходное состояние оказывало и оказывает сложное и противоречивое влияние на все сферы, в том числе на международную деятельность государства, придавая ей в разное время существенную специфику. Цель статьи – проанализировать основные факторы, определявшие внешнюю политику Российской Федерации на начальном этапе становления новой государственности в 1992–1993 гг. Для

раскрытия темы необходимо рассмотреть ряд общих ключевых вопросов новейшей истории страны.

Российская системная трансформация проходит через три этапа, каждый из которых обладает внутренним содержательным единством. Первый этап охватывает период с весны 1985 до осени 1991 г., второй – 1992–1999 гг., третий – с 2000 г. В рамках темы статьи для нас важны первые два. К середине 1980-х годов в СССР сложился негативистский консенсус в отношении социализма советского типа. Ярко выраженная готовность нового руководства осуществить глубокие перемены получила широкую общественную поддержку, однако основная проблема лидера и его окружения состояла в отсутствии представлений о том, что и как нужно делать.

Первый этап «перестройки» – 1985 – середина 1986 г. – прошел под лозунгом ускорения социально-экономического развития, что означало попытку *совершенствования прежней системы*. В числе итогов этого периода следует выделить два важнейших. К концу 1986 г. экономическое развитие обрело устойчивую негативную динамику, что было следствием ошибок руководства (антиалкогольная кампания и крупные вложения в техническое обновление производства), а также неблагоприятного стечения обстоятельств (кратное падение цен на нефть, Чернобыльская авария). За этим последовало ухудшение социальной ситуации, что быстро сужало политическую поддержку начавшего перемены лидера. Вторым важным итогом этого этапа был выбор новых главных приоритетов преобразований. Ими стали демократизация и гласность, решение экономических проблем было отодвинуто.

Второй этап «перестройки» охватывает время с 1987 по весну 1990 г. и может быть охарактеризован как *начало изменения системы* политических, экономических и идеологических отношений. Главные события происходили в государственно-политической сфере. Руководство считало необходимым изменить взаимоотношения между партийными и государственными органами, лишив КПСС монополии на власть. Однако в силу непродуманности конституционной реформы партия стремительно утрачивала рычаги влияния, а организационно более слабые советские структуры не были готовы полноценно выполнять функции государственного управления, что усилило кризис управляемости всеми социальными процессами в СССР. Очевидная неэффективность союзных структур дала мощный импульс движению за республиканские суверенитеты, обозначившим кризис федеративных отношений. Одновременно развернувшаяся острая критика социалистической идеологии ставила под сомнение легитимность существовавших в стране порядков. Большую популярность приобретали идеи пе-

ревода страны на путь либерально-демократического развития, который тогда представляли схематично и упрощенно [Лукин, 2005].

К середине 1990 г. все это привело к подрыву субъектности союзного государства. Государственно-политические структуры обвально утрачивали способность мобилизовать финансовые, материальные и людские ресурсы, артикулировать общенациональные интересы и реализовывать их через властные институты в практической политике. Ослабление государственной субъектности стало главной причиной углубления экономического кризиса в СССР: в середине 1990 г. обществу были предложены две схожие программы реформирования народного хозяйства через переход к рынку, однако у советских органов власти *уже* не было ресурсов для реализации необходимых шагов, а у создаваемых российских — *еще* не было. В результате в течение года между союзным центром и обретавшими суверенитет республиками шла, по выражению Б.Н. Ельцина, «холодная война». Ее результатом стала хаотизация всей системы общественных отношений в СССР, затронувшая экономику, социальную сферу, идеологию, внутреннюю и внешнюю политику. Это составило содержание третьего «перестроечного» периода, продолжавшегося до августа 1991 г.

Пагубность возникшей ситуации и необходимость преодоления кризиса субъектности государства осознавали ведущие политические силы. Однако жесткость позиций двух основных оппонировавших сторон (руководство СССР за вычетом М.С. Горбачева и российские власти во главе с Б.Н. Ельциным) и зыбкость политико-юридических оснований союзно-республиканских отношений оставляли мало простора для безболезненного распутывания туго затянувшегося узла противоречий. Попытка союзных властей навести порядок с использованием элементов силового давления потерпела неудачу и привела к прямо противоположному результату: вместо восстановления субъектности союзного государства ей был нанесен еще один удар, оказавшийся самым тяжелым. В то же время один из наиболее влиятельных российских политиков через год после кризиса 19–21 августа 1991 г. признавался: «Консерваторы понимали, что осенью бой дадим уже мы. Консерваторы пытались опередить нас <...>. ГКЧП — конечно, нарушение законности. Но и нам бы пришлось ее нарушать (как, кстати, произошло при ликвидации СССР)» [Попов, 1992].

В истории горбачевской «перестройки» начался четвертый, заключительный этап, содержанием которого стали постепенное угасание и демонтаж союзных структур. У вице-преьера правительства России С.М. Шахрая были все основания констатировать, что к началу декабря 1991 г. «юридически и фактически существование Союза не может быть доказано» [Союз можно было сохра-

нить, 1995: 310]. Одновременно начался качественно новый этап в развитии России: если с середины 1990 до сентября 1991 г. усилия концентрировались преимущественно на противостоянии с союзным центром, в котором можно было использовать элементы популизма, то с сентября у руководства республики появилась возможность перейти к ответственной политике. Преодоление хаотизации не могло быть ни быстрым, ни безболезненным.

Россия вступила в период «августовской республики», которая стала революционной фазой трансформации всех общественных подсистем. 1992–1993 гг. были началом: в экономике – смены формы собственности и ее перераспределения, отказа от планирования; в социальной сфере – демонтажа социальных институтов и гарантий, созданных в СССР; в идеологической – агрессивной либеральной экспансии, цель которой состояла в смене социокультурных стереотипов населения страны. Однако главные события разворачивались в политической области: в 1992–1993 гг. решался ключевой вопрос всякой революции – вопрос о власти. Министр иностранных дел России А.В. Козырев был решительным сторонником и активным участником начавшихся перемен. Он считал, что «действовать быстро и решительно требовала логика борьбы с силами прошлого. Необходимо было как можно скорее довести реформы до того рубежа, после которого возврат к старому стал бы невозможен» [Козырев, 1994а: 47].

В конце сентября 1991 г. под руководством госсекретаря России Г.Э. Бурбулиса, игравшего одну из ключевых ролей в окружении Б.Н. Ельцина, были подготовлены два концептуальных документа: «Стратегия России в переходный период» и «Ближайшие экономические перспективы России». Необычно откровенные тексты не были опубликованы, но получили известность в политической среде. Авторы «Стратегии» полагали, что главный вопрос осени 1991 г. – не о последовательности реформ, а о том, осуществлять ли реформирование российской экономики, сохраняя рудименты союзного государства, интегрированного хозяйства, или реализовывать стратегию скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности и независимого проведения экономических реформ. Авторы документа утверждали, что до августа 1991 г. существовал промежуточный союз республиканских элит, которые боролись против союзного центра. Однако затем на первый план вышли объективные противоречия между Россией и остальными республиками. Эти противоречия были связаны с различными масштабами экономик, разницей ресурсных потенциалов, неодинаковым видением перспектив исторического развития, а также с разным политическим весом в глазах международного сообщества.

Во втором документе установки «Стратегии» конкретизировались применительно к хозяйственной политике. Во-первых, считалось необходимым обретение полноценной экономической независимости и самостоятельное проведение реформ, к которым могли присоединиться (или не присоединиться) другие республики. Во-вторых, Россия возлагала на себя ответственность по обязательствам, касавшимся внешнего долга СССР, что давало ей возможность претендовать на союзный золотой запас, собственность за границей и долги иностранных государств Союзу. Россия становилась естественным партнером западных стран и международных финансовых организаций. В-третьих, вся союзная государственность на территории РСФСР объявлялась российской; она же сохраняла контроль над финансовой сферой в рублевой зоне до тех пор, пока она будет существовать. Документ фиксировал необходимость перехода в межреспубликанских расчетах на мировые цены. Анализ событий сентября—декабря 1991 г. свидетельствует, что в своей практической деятельности руководство России следовало именно этим документам [Гайдар, 1998: 93—105].

Эффективность проводимой политики определяется состоянием государственности, от которого в периоды коренных перемен в огромной степени зависит успех преобразований. К началу 1992 г. ситуация в этой сфере была особенно неблагоприятной: прежние институты были сломаны (КПСС, союзные ведомства), отеснены на второй план (советы), новые создавались «на марше» (администрация президента, главы администраций регионов, представители президента). Механизм провозглашенной системы разделения властей не был проработан ни политически, ни юридически, возникла острая правовая недостаточность. Становление новой системы государственной власти происходило одновременно с радикальным реформированием экономики, что негативно влияло на обе сферы. Внешняя политика в полной мере испытала действие этих факторов. Прежний механизм принятия решений был сломан, а нового не было. В этих условиях формирование международного курса страны оказывалось в руках узкой группы лиц, испытывало давление внутривнутриполитической борьбы и той новой международной среды, которая возникала вокруг нового российского государства.

Завершение идеологического противостояния, приведшее в 1990—1991 гг. к колоссальным переменам прежде всего на Европейском континенте, стало важнейшим фактором мировой политики, однако к 1992 г. ситуация становилась скорее все более сложной, чем благополучной. Справедливо отмечают, что «человечество недолго отдыхало после окончания холодной войны» [Орлик, 2005: 14], вспыхнули ранее не погашенные конфликты, возникали новые

противоречия, формировались иные международные обстоятельства, влиявшие на внутреннюю и внешнюю политику России.

В зону политической нестабильности превращалось постсоветское пространство, где ужесточилось начавшееся ранее вооруженное противостояние в конфликтных зонах [Мяло, 2002]. Взятый группой новых государств курс на создание собственных армий приводил к противоречиям при разделе союзного армейского наследия. Вновь поднимались вопросы спорных территорий. Бывшие союзные республики проводили разную экономическую политику, оставаясь до середины 1993 г. в общей рублевой зоне. Разрыв хозяйственных связей стал обстоятельством, усугублявшим трудности переходного периода. Становление новой государственности и связанной с ней идентичности повсеместно понималось почти исключительно как обретение *независимости от России*. Это приводило к созданию на постсоветском пространстве своеобразной системы «двусторонних треугольников», когда при решении спорных проблем в двусторонних отношениях государства апеллировали к внешней, первоначально преимущественно американской поддержке. Эта тенденция зародилась на завершающем этапе существования СССР. Уже 4 сентября 1991 г. госсекретарь США озвучил пять условий признания стремившихся к независимости республик: мирное самоопределение, уважение существующих границ, соблюдение демократических и правовых норм, гарантии прав человека и уважение норм международного права и международных обязательств [Голдгейр, Макфол, 2009: 62]. «Критерии признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза» были одобрены и странами Европейского сообщества [Системная история международных отношений, 2004: 364]. Озвученная в ходе «новоогаревского процесса» в ноябре 1991 г. готовность американской администрации признать независимость Украины оказала важное влияние на общий исход переговоров о сохранении даже «рыхлого» Союза. За стремлением к политической поддержке со стороны третьих государств стояли надежды и на получение экономической помощи.

Практически синхронно с угасанием СССР в качественно новую фазу вступал процесс европейской интеграции. Подписанный 7 февраля 1992 г. Маастрихтский договор о создании Европейского союза усиливал внимание к решению прежде всего внутриевропейских проблем, связанных с созданием и укреплением общих институтов и «подтягиванием» менее развитых стран к стандартам государств-лидеров. Исчезновение «советской угрозы» и появление ослабленного российского государства объективно снижали к нему интерес. В числе «недорешенных» проблем оставался вывод войск из Германии, Польши и стран Балтии, но это было уже

вопросом времени. На общеевропейские настроения заметное влияние оказывали бывшие социалистические страны, их негативные переживания от пребывания в советском блоке. Гарантии сохранения своего суверенитета они видели в «воссоединении с Европой», прежде всего через вхождение в ее структуры безопасности. Из этой политической среды раздавались особенно резкие оценки прошлого не только СССР, но и Российской империи. Именно здесь педалировали тему возможного возвращения угрозы с Востока в случае возрождения сильного российского государства. После распада биполярной системы акцент переносился на цивилизационное единство Европы, в которую включали страны западного христианства. С ними, согласно этой позиции, граничили территории, народы которых исповедовали ислам и православное христианство и принадлежали к другой цивилизационной общности, не европейской. К ней относили Россию, развитие которой, согласно такому пониманию, базировалось на противоположной Европе культурной основе [Хантингтон, 1996: 240].

При обосновании необходимости консолидации государств континента вокруг западноевропейского ядра активно использовали и теорию регионализма. В соответствии с ее интерпретациями начала 1990-х годов в период «холодной войны» на европейском и евразийском пространстве соседствовали два основных региона, один из которых включал Западную Европу, второй — Восточную Европу и Советский Союз. В обоих случаях внутреннее единство регионов обеспечивалось за счет сочетания экономических и военно-политических факторов: с одной стороны, ЕС и НАТО, с другой — СЭВ и ОВД. Однако в первом случае военно-силовые структуры строились на фундаменте экономической интеграции государств с однородными политическими системами, общества которых осознавали необходимость объединения, в советском же блоке ключевую роль играли силовой и идеологический факторы, скреплявшие народы вопреки их воле, поэтому СЭВ естественным образом распался, когда исчезло принудительное единство [Якубчак, 1998: 17—18]. Раскол бывшего советского суперрегиона формально породил вопрос о поисках новой региональной принадлежности входивших в него государств. Фактически же речь шла о формах взаимодействия с укреплявшимся западноевропейским ядром (ЕС и НАТО), на которое ложились задачи разрешения возникавших противоречий, конфликтов и войн, ответа на новые вызовы безопасности.

В качестве важного фактора и условия вхождения в обновляемую Европу выдвигалась не только готовность интегрироваться в военные и экономические структуры, но и приверженность демократии и европейским ценностям. Проблематика демократии

и прав человека постепенно превращалась в один из инструментов внешней политики Евросоюза в отношении находившихся за его пределами, но желавших сближения стран постсоветского пространства. Одновременно обнаруживалась большая пластичность в использовании «правочеловеческой» проблематики в зависимости от геополитических, культурно-цивилизационных предпочтений, других обстоятельств.

Внутри консолидировавшейся Европы качественно новое значение обретал германский фактор. Вновь возникшая страна-гигант была сосредоточена на «переваривании» восточных земель, что требовало огромных ресурсов и усилий, но уже в 1991–1992 гг. в силу комплекса исторических и экономических причин проявляла особый интерес к государствам-соседям из бывшего социалистического лагеря. Активная роль ФРГ в европейской политике и ее линия на сохранение и упрочение евро-атлантического единства способствовали ускоренному вовлечению в подтвердившие свою эффективность союзы новых участников. В объединенной Германии постепенно зарождался процесс преодоления синдрома вины за развязывание и последствия Второй мировой войны, что нашло отражение в большей самостоятельности внешней политики. В 1991–1992 гг. это проявилось в ходе событий на Балканах [Максимычев, 2014: 364].

Разгоравшаяся гражданская война на территории бывшей СФРЮ становилась важным индикатором угасания Ялтинско-Потсдамской системы, в которой Советскому Союзу принадлежала одна из ключевых ролей. Характер преодоления кризиса свидетельствовал о радикальном изменении соотношения сил в мировой политике. Институциональный центр международного военно-силового вмешательства постепенно перемещался от ООН к НАТО и от ЕС к США. Формировался механизм, при котором создание независимого государства, выходящего из состава другого, регулировалось не нормами международного права, конституцией и законами в данном случае Югославской Федерации, а решениями узкой группы стран и их лидеров, обладавших достаточной мощью для реформирования значимых для себя регионов в соответствии со своими представлениями [Гуськова, 2001: 359]. Таким образом, источники легитимации суверенитета стран и правящих в них режимов выводились за пределы национальных границ. России как преемнице СССР предстояли осмысление возникшей ситуации и адаптации к ней.

Итогом внутреннего ослабления, «нового мышления» во внешней политике СССР и в конечном счете его распада стало превращение США в единственного мирового лидера, практически не имеющего конкурентов. В 1989–1990 гг. они оказали огромное

влияние на безболезненный «выход из социализма» стран Восточной Европы. Их роль была решающей в определении темпов и формы объединения Германии, ее «блокового» будущего и, следовательно, будущего всей системы европейской безопасности. В 1991 г. в ФРГ активно поддержали предложенную американцами концепцию «партнерства в лидерстве», что укрепляло позиции обеих стран в Европе. Уже в 1991 г. США ощущали себя комфортно в отношениях не только с руководством СССР, но и с лидерами союзных республик. Они раньше, чем Госсовет СССР, признали независимость Прибалтийских государств. О подписанных 8 декабря в Беловежье документах российский президент проинформировал прежде всего американского, союзный был лишь третьим.

19 мая 2010 г., выступая в Государственной Думе Федерального Собрания, министр иностранных дел С.В. Лавров обратил внимание на то, что после завершения «холодной войны» сформировался конфликт ожиданий, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только недавно начали преодолевать» [Лавров, 2011: 154]. На наш взгляд, концепт «конфликта ожиданий» может быть особенно плодотворно использован при объяснении эволюции отечественной внешней политики в конце XX — начале XXI в. Имеющиеся мемуарные публикации участвовавших во внешнеполитическом процессе лиц со стороны как России, так и Запада дают возможность реконструировать то, как начиналась «притирка» друг к другу бывших противников в «холодной войне».

Очевидно, что на постсоветском направлении в США в качестве главных целей видели укрепление безопасности (своей и союзников) и, при ослаблении бывшего геополитического противника, свое утверждение роли единоличного глобального лидера. Их реализация связывалась с решением ряда задач в отношениях с ослабленной Россией. В области безопасности это сокращение оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, поэтому акцент был сделан на разоруженческой проблематике в двусторонних связях. Укрепление безопасности мыслилось в контексте переоценки натовской проблематики, которая фактически началась в процессе германского объединения и была актуализирована внешнеполитической переориентацией на Запад восточноевропейских государств, формально входивших в уже угасавшую в 1990—1991 гг. Организацию Варшавского договора.

Обеспечение предсказуемости внешней политики как СССР, так и неосуверенной России американцы и их союзники на Западе связывали с изменением всей системы общественных отношений бывшего «тоталитарного» государства, утверждением там рыночных отношений и демократического порядка. В практическом

плане это предполагало в первую очередь радикальное изменение отношений собственности (ликвидацию планово управляемой государственной и появление массового слоя независимых субъектов хозяйственной деятельности). Это в свою очередь диктовало готовность поддерживать внутри СССР и России прежде всего те политические силы, которые стремились решительно расстаться с прошлым, ориентируясь при этом на опыт «цивилизованных стран». В российском случае это было относительно немногочисленное радикально-либеральное крыло единого в 1989–1991 гг. протестного демократического движения. Системное изменение советского общества предполагало быструю смену идеологических приоритетов: отказ от имперского и советского «наследства» и усвоение демократических ценностей, под которыми подразумевались западные либеральные. Эти тенденции и США, и Западная Европа были готовы поддерживать.

Еще к началу 1980-х годов в экономических отношениях между СССР и Западом сформировалась устойчивая структура обмена, при которой Советский Союз продавал сырьевые товары (прежде всего нефть и газ). Поступления по импорту компенсировали внутренние изъятия советской системы: ввозилось высокотехнологичное оборудование, недостающее продовольствие, товары широкого потребления. При снятии идеологических барьеров и окончании политического противостояния к началу 1990-х годов структура экономической взаимозависимости не изменилась, но возможности сторон были уже иными. Неблагоприятная для СССР и России международная конъюнктура в сочетании с внутренними экономическими и политическими проблемами делала неизбежным обращение за зарубежной помощью. Условия ее предоставления приобретали особую важность для внутриэкономического развития России, что во многом предопределяло ее место и в глобальной экономике. К масштабным заимствованиям СССР стал прибегать еще в последние «перестроечные» годы. С весны 1990 г. кредиты приобретали вид *политически* мотивированных. С середины 1991 г. предоставление займов уже обуславливалось проведением определенного типа *экономической* политики, основанной на идеологии «Вашингтонского консенсуса», реализуемой через МВФ и Всемирный банк. Этот курс резко сужал возможности внутренней структурной перестройки российской экономики в пользу высокотехнологичных отраслей, неизбежно усиливая ее сырьевой крен. Открыто о желательности такой ее эволюции в 1990–1991 гг. на Западе не говорили, однако в середине – второй половине 1990-х годов позитивно оценивали эту тенденцию.

Длительное время в США и Западной Европе СССР рассматривали как «Красную империю», внешний контур которой включал социалистические государства, внутренний — «порабощенные народы» в самом Советском Союзе. К числу последних относили в первую очередь «титульные» этносы союзных и автономных образований, а также некоторые народы нерусских регионов; была даже экзотическая «Казакия». С 1959 г. до сегодняшнего дня в США проводится Captive Nations Week — Неделя порабощенных народов. В соответствии с вводившими ее законодательными актами перечисленные в них народы подлежали «освобождению» и заслуживали независимого от «империи» развития, поэтому возникновение в 1991 г. на территории СССР новых независимых государств рассматривалось как стратегически позитивное явление. Эта логика диктовала необходимость поддержки вновь образовавшихся стран и поощрения политического плюрализма в регионе. Применительно к России ожидался отказ от «имперских амбиций», под которыми стали понимать попытки сохранения влияния и тем более интеграционные интенции. С учетом экономического коллапса, распада государственности и сокращения международного влияния ставилась под сомнение возможность признания за государством — продолжателем СССР статуса великой державы.

Свой набор ожиданий в отношении Запада сложился к 1992 г. и у политической элиты России. В их основе лежал расчет на то, что преодоление состояния «холодной войны» и демократическая (антикоммунистическая) революция, произошедшая в России в августе 1991 г., сделают коллективный Запад не только ее естественным партнером, но и союзником. На первом плане стояли неотложная экономическая помощь в виде поставок продовольствия и медикаментов, а также масштабное и активное «техническое» содействие в создании рыночных институтов при готовности власти начать реформы в «шоковом» режиме. Понимание в конце 1991 г. того, что реформы будут тяжелыми и приведут к обострению политической обстановки, делало желаемым адресную поддержку со стороны лидеров Запада при разрешении и внутренних конфликтов. Привилегированное внимание к России в сравнении с другими государствами будущего Содружества связывали с ее ресурсным потенциалом и емкостью внутреннего рынка, что после преодоления кризиса сулило приток зарубежных инвестиций.

В обретающей независимость России надеялись на установление партнерских отношений с США и Западом и в сфере безопасности. Политическая социализация российских лидеров проходила в условиях превращения СССР в сверхдержаву (пусть главным образом по военным параметрам), единственное государство, с которым США длительное время были вынуждены считаться всерьез.

Далеко не все успевали осмыслить произошедшие в 1990–1991 гг. в мировой политике перемены и были ментально готовы их признать и принять. Российские лидеры в разных формах выражали готовность присоединиться к НАТО [Зенькович, 2009: 461]. В декабре 1991 г., еще при формально существовавшем СССР, с альянсом были установлены первые контакты, а российский президент заявил, что готов рассматривать вступление в него как «долгосрочную политическую цель» [Внешняя политика Российской Федерации, 2000: 177]. В России были убеждены, что новая архитектура международной безопасности будет строиться вместе с преодолевшей идеологический раскол Европой. Москва была готова к серьезным шагам в сфере сокращения вооружений.

Что касается представлений о будущем характере отношений на постсоветском пространстве, то во второй половине 1991 г. в России было мало позитивной определенности. Сохранение инструментов влияния в регионе связывали с вопросом о границах и возможностью регулировать цены на энергоносители [Барсенков, 2002: 245]. В более общем плане окружение Б.Н. Ельцина полагало, что успешное проведение прежде всего экономических реформ сделает Россию привлекательной для соседей, которые со временем к ней потянутся сами.

* * *

Кризисное состояние экономики России в конце 1991 г. было главным фактором не только хозяйственной, но и политической жизни страны, поэтому в первой половине 1992 г. главные усилия президента и главы российского МИД были сосредоточены на мобилизации международной поддержки проводимых либеральных реформ. Еще осенью 1991 г. тесно связанный с Б.Н. Ельциным мэр Москвы Г.Х. Попов совершил ряд поездок в ведущие европейские государства и США, пытаясь убедить западных лидеров пойти на нечто подобное «плану Маршалла» для России. Однако большого энтузиазма эта тема у собеседников не вызывала [Попов, 2012: 256]. В то же время вопрос о формах и масштабах помощи государствам постсоветского пространства активно обсуждался на международном уровне в первой половине 1992 г. 22 января 1992 г. в Вашингтоне начала работать координационная конференция, созванная по инициативе Госдепартамента США. Ее целями помимо демонстрации американского лидерства были «подать сигнал надежды» от имени мирового сообщества демократам в России и других новых независимых государствах, а также создать базу политической поддержки долгосрочного курса участия США в постсоветских преобразованиях. В конференции участвовали

представители 47 государств и 7 международных организаций. Обсуждалась тема финансовой поддержки реформ в образованиях, возникших на месте СССР (параллельно проходила конференция представителей неправительственных организаций и деловых кругов, созванная для обсуждения возможной роли неправительственного и частного секторов в этом процессе) [Голдгейр, Макфол, 2009: 99]. Организаторы предлагали, чтобы январская конференция стала первой из трех: вторую организовало бы Европейское сообщество, третью – Япония. Конференция создала пять рабочих групп: по продовольствию, медицине, жилью, вопросам энергетики и технической помощи. Однако мобилизовать серьезную финансовую поддержку не удалось. Сами США заявили о сумме лишь в 645 млн долл., осознавая ее символический смысл. Наиболее конкретным шагом, предпринятым американским руководством в дни работы конференции, было решение о проведении операции «Надежда» по доставке неотложной гуманитарной помощи России и ее соседям. В результате в нашу страну было доставлено продовольствия и медикаментов, оставшихся после операции «Буря в пустыне», на сумму 189 млн долл. [Голдгейр, Макфол, 2009: 99].

Потенциальных получателей помощи организаторы решили не приглашать (чтобы не возникла «атмосфера безобразной торговли»). Однако в дни работы конференции Г.Э. Бурбулис, второе лицо в российской власти того времени (госсекретарь и первый вице-премьер), выразив признательность за гуманитарную помощь, обозначил российские «пожелания». Речь шла о 6 млрд долл. на финансирование импорта, оплачиваемого в твердой валюте, о 7 млрд долл. для создания стабилизационного фонда на период достижения конвертируемости рубля и о 6 млрд долл. для чрезвычайных закупок продовольствия и медикаментов. Он также просил об отсрочке выплаты по внешнему долгу до 1992 г. [Голдгейр, Макфол, 2009: 100]. Озвученные цифры не были умоуверительными: западные эксперты, изучавшие возможность помощи России на основе польского прецедента 1990–1991 гг., называли суммы в диапазоне от 15 до 23 млрд долл. [Голдгейр, Макфол, 2009: 88]. Глава администрации президента России Ю.В. Петров в конце января 1992 г. также «давил» на американцев: «Время риторики прошло. Гуманитарная помощь нас не спасет. Русские должны увидеть улучшение их жизни завтра, а не в 1995 году» [Голдгейр, Макфол, 2009: 101].

Дж. Буш и его окружение занимали последовательно сдержанную линию в отношении массивной помощи России, за что весной 1992 г. были подвергнуты критике (по разным мотивам) со стороны соперника на будущих президентских выборах У. Клинтона и экс-президента Р. Никсона. Последний в марте распространил меморандум под названием «Как проиграть холодную

войну». Документ содержал жесткую критику администрации Дж. Буша за неспособность поддержать Б.Н. Ельцина – «самого прозападного лидера в российской истории». Р. Никсон писал, что в случае провала Б.Н. Ельцина «перспективы на следующие 50 лет будут весьма мрачными». На свой же вопрос, что сделали США, экс-президент отвечал: «Мы предоставили кредиты для закупки сельскохозяйственной продукции. <...> Мы провели международную конференцию для фотографов, которая была богата риторикой, но бедна действиями. Мы отправляем 60 грузовых самолетов с остатками продовольствия и медикаментов от войны в Персидском заливе. Мы решили послать 200 добровольцев Корпуса мира – очень щедрый жест, если бы объектом нашей помощи была небольшая страна вроде Верхней Волги, но чисто символический, когда речь идет о России. <...> Это жалкий и неадекватный ответ» [Friedman, 1992].

В силу этих и других обстоятельств Дж. Буш на пресс-конференции 1 апреля предложил пакет помощи в размере 24 млрд долл.: 4,5 млрд должны быть выделены МВФ и Всемирным банком, 11 млрд – странами «Большой семерки» на двусторонней основе, из них 2 млрд должны поступить от США (преимущественно в виде безвозмездных ссуд и кредитов для закупки американского продовольствия), 6 млрд предполагалось на создание фонда стабилизации российской валюты и 2,5 млрд – на реструктуризацию «неамериканских» долгов России. Дж. Буш также предложил подготовить закон, позже получивший название «О поддержке свободы России, нарождающихся евразийских демократий и открытых рынков». Помимо этого он обещал обратиться к Конгрессу с просьбой о выделении 15 млрд долл. международным кредитным организациям для оказания помощи государствам, возникшим на месте СССР [Голдгейр, Макфол, 2009: 104]. Дата выступления была приурочена к началу работы VI Съезда народных депутатов России, на котором решалась судьба гайдаровской группы реформаторов. Первоапрельская речь Дж. Буша сыграла определенную роль в преодолении правительственного кризиса в России. Однако внутри США представители президента делали акцент на том, что сумма 24 млрд долл. складывалась из *ранее* заявленных обязательств.

Руководители стран «Большой семерки» собрались 8 июля 1992 г. в Мюнхене для обсуждения экономических аспектов отношений с Россией. Во встрече, проходившей за закрытыми дверями, участвовал Б.Н. Ельцин. По итогам была сформулирована программа «Помощь для самопомощи», которая включала 10 пунктов, в том числе финансовую поддержку по линии МВФ, отсрочку платежей по кредитам, предоставление экспортных кредитов, практическую помощь для перехода к рыночным отношениям, поддержку

частных инвестиций в сфере нефте- и газодобычи, смягчение условий доступа российских товаров в страны «G7», посредничество в привлечении в Россию частного капитала и специалистов в области менеджмента и маркетинга, сотрудничество в области конверсии и модернизации атомных электростанций. На основе мюнхенских решений МВФ в августе выделил первый транш в 1 млрд долл. [Смыслов, 2011: 595]. Таким образом, помощь поступила с запаздыванием и в масштабах, явно недостаточных для действительного смягчения трудностей начального периода реформ, проводимых по согласованному плану.

В подготовленном по итогам встречи в Мюнхене политическом заявлении «семерки» содержался пункт в пользу полной нормализации японо-российских отношений посредством решения территориальной проблемы. По логике японской стороны, в целом разделяемой ее западными партнерами, поскольку Россия признала независимость бывших союзных республик, она не может не вернуть четыре крохотных острова их законному хозяину [Панов, 2007: 72, 74]. Возможность передачи Курил болезненно воспринималась в России. По инициативе оппозиции в Верховном Совете прошли парламентские слушания по проблеме. Прозвучавшие подзрения в отношении намерений исполнительной власти стали дополнительным фактором осложнения внутривластной ситуации осенью 1992 г.

Идеология начального этапа внешней политики России была наиболее ярко обозначена в выступлениях Б.Н. Ельцина и подписанных им документах в ходе визита в США в июне 1992 г. Российский президент получил редко предоставляемую зарубежным руководителям возможность выступить на совместном заседании обеих палат Конгресса США. Речь отличалась прямоотой и жесткостью. «Мир может вздохнуть спокойно – коммунистический идол, который сеял повсюду социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, – рухнул! Рухнул навсегда!..»

Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. <...> Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика. Свобода и коммунизм несовместимы!..»

Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придется заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю. <...> Россия раз и навсегда отбросила практику двойных стандартов во внешней политике. Мы не намерены более лгать своим партнерам по переговорам, ни российскому, ни американскому, никакому другому народу. С такой практикой покончено навсегда! Это касается

и экспериментов с бактериологическим оружием и известных теперь фактов по американским военнопленным, корейскому Боингу и многому другому...» Речь произвела впечатление: присутствовавшие одиннадцать раз стоя аплодировали российскому лидеру [цит. по: Селезнев, 1998: 213–214].

Важным событием стало подписание Хартии российско-американского партнерства и дружбы. В ней, в частности, говорилось: «Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки выражают свою приверженность идеалам демократии, верховенству права и законности, уважению прав человека и основных свобод. *Соединенные Штаты полностью поддерживают усилия Российской Федерации* [курсив наш. — А.Б.] по созданию демократического государства и общества, основанных на верховенстве права и уважении основных прав человека. <...> Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки поддерживают укрепление Евроатлантического сообщества, будучи убеждены, что безопасность неразделима от Ванкувера до Владивостока. <...> Важная роль таких организаций, как ССАС, НАТО и ЕЭС наряду с ОБСЕ особенно способствует евроатлантической безопасности. <...> Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки исходят из того, что наиболее верный путь России к долгосрочному процветанию и интеграции в глобальную экономику пролегает через продолжение осуществляемых ныне реформ в направлении свободного рынка. <...> *Соединенные Штаты выражают приверженность продолжению курса реформ, избранного российским правительством...*» [Хартия российско-американского партнерства и дружбы, 1992] (курсив наш. — А.Б.). Это был необычный случай, когда в документе, заключенном с другим государством, содержались положения, регламентировавшие внутреннюю жизнь России. Вскоре получило распространение выражение «домашнее задание для России», под которым понимался набор принятых на себя страной обязательств в проведении внутренних преобразований, итогом реализации которых стало бы ее полноценное партнерство с Западом.

17 июня 1992 г. было подписано «рамочное соглашение» по СНВ, предусматривавшее сокращение стратегических ядерных сил США и России на 50% по сравнению с условиями СНВ-1 (до уровня в 3,5 тыс. боезарядов у каждой из сторон). Россия соглашалась ликвидировать свои ракеты СС-18 с десятью разделяющимися головными частями, которые в США всегда считали оружием первого удара. Со своей стороны американцы обязались ликвидировать ракеты МХ, создание которых началось в период президентства Р. Рейгана [Фененко, 2013: 257]. Несимметричность сокращений, которая вызывала критику со стороны российских военных, была разъяснена российским президентом: «Сокращения, обгово-

ренные в рамках Договора по СНВ [июля 1991 г. – *А.Б.*], потребовали 15 лет переговоров. А сейчас – пять месяцев для того, чтобы договориться о сокращении в три раза. Это говорит о совершенно коренном преобразовании и изменениях наших отношений в политической, экономической и военной областях». Обосновывая проявленную гибкость, Б.Н. Ельцин подчеркнул, что сокращения – это выверенный баланс безопасности, но выверенный не в старом духе. «Мы не стремились искать штуки, единицы, сотни и даже тысячи». Президент считал, что предусмотренный уровень сокращений качественно не принципиален, поскольку ядерная мощь сохраняется, однако достигнут паритет иного рода: открыт путь к партнерству в военно-политическом союзе. Всего в ходе визита российского президента было подписано 39 совместных документов, охватывавших обширный круг самых разных вопросов [Селезнев, 1998: 212].

Трудности начального этапа экономических преобразований привели к росту недовольства исполнительной властью, критике подверглась и внешняя политика. Представители и левой, и правой оппозиции обвиняли руководство в утрате Россией самостоятельности, влияния, ее прозападной направленности, предательстве прежних друзей и союзников, пренебрежении национальными интересами. Популярными были требования воссоединения бывших советских территорий [Политическая декларация левой и правой оппозиции, 1992]. В парламенте упрекали МИД за отсутствие внятной внешнеполитической стратегии. В этих условиях была подготовлена первая «Концепция внешней политики». Проникнутая духом, как тогда стали говорить, «атлантизма», она, тем не менее, представляла внешнюю политику как многовекторную, на первое место среди приоритетов ставила укрепление отношений со странами Содружества Независимых Государств, а смысловым стречнем объявляла «примат обеспечения национальных интересов страны» [Концепция внешней политики Российской Федерации, 1993].

В 1993 г. одним из главных направлений внешней политики России стало обеспечение поддержки усилий действовавшего президента по принятию новой Конституции. Острота конфликта между Съездом народных депутатов и президентом обуславливалась не только неудовлетворительными итогами развития страны в 1992 г., но и противоречиями конституционного строя. Он определялся Конституцией 1978 г., но вследствие внесения поправок (к лету 1993 г. их число достигло 320) претерпел большие изменения. В 1990 г. в РСФСР был введен новый государственный

институт — Съезд народных депутатов. Согласно Конституции он был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации. Вместе с тем именно Съезд поправкой к ст. 1 внес в Конституцию норму, провозглашавшую принцип разделения властей. В соответствии с этим был учрежден парламент, принято решение о создании Конституционного Суда, введена должность президента. По мере становления и начала полнокровного функционирования между четырьмя институтами неизбежно возникал вопрос о разделении полномочий. Первоначально противоречие между всеилием Съезда и исполнительной властью в лице президента было разрешено через компромисс, заключенный на осень 1991 г. Съезд добровольно, но на время (на один год) передал часть своих полномочий президенту. Начало экономических преобразований вызвало раскол сложившейся в 1990—1991 гг. протестной коалиции, и к концу 1992 г. президент мог опираться лишь на последовательных сторонников либеральных реформ, а таких было меньшинство. В этих условиях Съезд, выражавший интересы широких слоев населения, становился препятствием на пути избранной модели преобразований [Reddaway, Glinsk, 1999].

В конце 1992 — первой половине 1993 г. в центре политической борьбы был вопрос о порядке формирования правительства и, следовательно, решающем влиянии на характер и методы проводимого экономического курса. Притязания парламента на ведущую роль в определении состава кабинета министров обосновывались неудачами первого этапа реформ, что связывалось с некомпетентностью исполнительной власти. Сторонники президента рассматривали события в более широком историческом контексте. Если в 1988 — середине 1991 г. переход от тоталитаризма к демократии виделся как относительно безболезненный и ограниченный во времени, то в конце 1992 г. утвердилось представление, что между тоталитаризмом и демократией неизбежен переходный период «диктатуры демократии» («демократуры»), в рамках которого будут утверждаться новые ценности и нормы. С учетом того, что смысл и направленность происходивших изменений в обществе понимали и принимали далеко не все, считалось, что «диктатура демократии» должна быть в виде авторитарного правления. «Просвещенный авторитаризм» в условиях России связывался с концентрацией властных ресурсов в руках президента [Гордон, 1995].

В 1993 г. сторонники высшей законодательной власти и Конституционный Суд делали акцент на «букве закона», настаивая на соблюдении действовавших законов и Конституции. Президентская сторона использовала политико-правовые аргументы, ставя во главу угла «дух закона». В этой связи под сомнение была по-

ставлена «конституционность Конституции». Большую легитимность президента связывали с его прямым избранием 12 июня 1991 г., а также с победой «августовской демократической революции» в России. Особое значение придавали факту всенародного избрания Б.Н. Ельцина как политика с программой, освященной результатами голосования. На этом основании легитимными считались формально антиконституционные меры по ограничению деятельности Съезда.

Для разрешения конфликта 25 апреля 1993 г. был проведен референдум о доверии депутатскому корпусу, с одной стороны, и президенту — с другой. Результаты голосования подчеркнули низкий уровень легитимности власти в стране, но для Б.Н. Ельцина выглядели предпочтительнее: депутаты вызвали большую неприязнь. Сторонники президента говорили о победе, некоторые из них считали, что он может использовать и силовые структуры при разрешении острых конфликтных ситуаций [Эпоха Ельцина, 2001: 344—345].

В противостоянии с оппонентами Б.Н. Ельцин апеллировал к западным лидерам. На третий день пребывания в должности У. Клинтона Б.Н. Ельцин позвонил с предложением о безотлагательной встрече и получил согласие. Новая американская администрация сделала Россию главным внешнеполитическим приоритетом. В отличие от Дж. Буша, международная команда У. Клинтона сосредоточилась на проблемах внутренних российских преобразований. Выступая накануне первой встречи с Б.Н. Ельциным (3—4 апреля 1993 г.), У. Клинтон отметил, что «...в XX веке войны в Европе унесли жизни сотен тысяч американцев. Появление демократической России, живущей в своих границах в окружении миролюбивых и демократических стран, может гарантировать, что нам больше никогда не придется платить такую цену. Мы знаем, что в конечном счете историю России будут писать россияне. <...> Но я настаиваю, что мы тоже должны делать то, что можем сделать, и именно сейчас <...> это разумное капиталовложение» [Clinton, Yeltsin, 1993: 191—194]. В Ванкуверской декларации, принятой по итогам встречи, сказано, что «Президенты России и США договорились о своей твердой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнерству. <...> Президенты согласовали всеобъемлющую стратегию сотрудничества в целях продвижения демократии, безопасности и мира. <...> Президенты подтвердили принципы и положения Кэмп-Дэвидской декларации от 1 февраля 1992 г. и Хартии российско-американского партнерства и дружбы от 17 июня 1992 г. в качестве основы взаимоотношений двух стран» [Ванкуверская декларация, 1993: 18—19].

Итогом обсуждения широкого круга экономических вопросов стало решение о создании двусторонней комиссии, авторитет которой определялся политическим весом ее сопредседателей, ими стали вице-президент США А. Гор и глава российского правительства В.С. Черномырдин. В Ванкувере У. Клинтон прямо не откликнулся на просьбу Б.Н. Ельцина о срочном предоставлении 500 млн долл., однако после этой встречи Агентство международного развития США профинансировало специализирующуюся в области отношений с общественностью частную компанию «Сойер Миллер». Она подготовила сценарий первой мощной политической телевизионной рекламы в России, призывавшей избирателя голосовать «да», «да», «нет», «да», которая сыграла важную роль в получении «нужного» результата на референдуме [Голдгейр, Макфол, 2009: 157]. 14–15 апреля, накануне референдума, в Токио прошла встреча министров иностранных дел «семерки», которая была специально посвящена обсуждению проблем помощи России. Ее объем был окончательно утвержден в японской столице на очередном годичном саммите лидеров этих стран 7–9 июля 1993 г. [Смыслов, 2011: 597].

Подписав 21 сентября 1993 г. небыстрого в юридическом отношении Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, Б.Н. Ельцин позвонил У. Клинтону. В ходе 17-минутной беседы российский президент разъяснил мотивы предпринятого шага и получил полную поддержку. 23 сентября американский Сенат принял Закон об иностранной помощи на 1994 г., предусматривавший выделение 2,5 млрд долл. для новых независимых государств, из которых 1,6 млрд были предназначены России. 30 сентября У. Клинтон этот законопроект подписал [Тэлбот, 2003: 108].

24 сентября, в разгар кризиса, в Москве собрались главы входящих в СНГ государств. Было подписано соглашение об экономическом союзе. Б.Н. Ельцин выступил с разъяснением происходящего в столице и заручился поддержкой коллег в поисках «выхода из безвластия» [Россия — 2000, 2000: 250].

Американцы внимательно следили за событиями в Москве, рассчитывая, что кризис будет разрешен без использования военной силы, в чем получали заверения российской стороны. Когда насилия не удалось избежать, в Белом доме поддержали официальную интерпретацию Кремля. Уже 3 октября 1993 г. У. Клинтон возложил вину за кровопролитие на оппозицию: «Ясно, что насилие было вызвано стороной Руцкого — Хасбулатова, <...> также ясно, что Ельцин всячески старался избежать применения силы, <...> и я убежден, что Соединенные Штаты должны поддерживать президента Ельцина». Развивая тему 4 октября, У. Клинтон назвал

важным демократическим шагом обещание Б.Н. Ельцина провести президентские выборы: «Главное, чтобы он двигался вперед к принятию новой конституции, подлинно демократическим выбором в парламент, подлинно демократическим выбором президента – а он пообещал, что сделает это, – мы не можем требовать от него большего». Окружение американского лидера было разочаровано, когда вскоре после преодоления сентябрьского кризиса проведение президентских выборов было признано нецелесообразным. Однако в США были твердо убеждены, что «должны поддерживать реформы и демократию в России, а они представлены президентом Ельциным» [Голдгейр, Макфол, 2009: 160–161].

Преодоление кризиса позволило активизировать процесс подготовки референдума по Основному закону и выборов в Федеральное Собрание. 15 ноября 1993 г. проект Конституции был опубликован для широкого обсуждения. В «ноябрьском» проекте права президента были расширены по сравнению с его же предложениями лета 1993 г. По свидетельству бывшего главы администрации президента С.А. Филатова, Б.Н. Ельцин внес 16 поправок, усиливших его позиции [Филатов, 2012]. По прежней Конституции президент определялся как «высшее должностное лицо, глава исполнительной власти», по новой становился «главой государства», определяющим основные направления внутренней и внешней политики. В России текст получал как позитивные, так и критические оценки, касавшиеся распределения властных полномочий («внесистемный политический режим», «выборная монархия» и т.п.). В американском же руководстве с оптимизмом полагали, что российские реформаторы наконец-то получают исполнительную власть, которая им требовалась для проведения болезненных, но необходимых реформ.

По новой Конституции Государственная Дума утратила влияние прежнего парламента, однако не стала менее оппозиционной. С точки зрения артикулирования приоритетов внешней политики имело значение распределение голосов по партийным спискам, так как партии, в отличие от кандидатов-одномандатников, в программных платформах выражали настроения массовых социальных групп, которые нельзя было не учитывать. Состоявшиеся 12 декабря выборы в Думу дали следующую картину. По партийным спискам из 225 мест Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) получила 59, «гайдаровский» «Выбор России» и КПРФ – по 40, Аграрная партия – 21, «Женщины России» – 21, «Яблоко» – 20, Партия российского единства и согласия – 18, Демократическая партия России – 14. При этом 7% бюллетеней были признаны недействительными, а 17% избирателей проголосовали против всех кандидатов, что свидетельствовало о недоволь-

стве властью и представленными партиями [Барсенков, 2008: 894]. Три из первых четырех партий-фаворитов выступали за воссоздание государственности в границах до 1992 г., критиковали внешнюю политику страны.

Результаты, показанные либерал-демократами, для многих выглядели неожиданными, однако они были предсказуемы. ЛДПР претендовала на роль «третьей силы» (не коммунисты и не либералы), выступавшей с государственных, национально-патриотических позиций. Она ратовала за возрождение российского государства в границах СССР, сильную президентскую республику с регулируемой и социально ориентированной рыночной экономикой. В избирательной кампании ЛДПР остро ставила проблемы армии, защиты прав русскоязычного населения в республиках бывшего Союза, положения беженцев из зон межэтнических конфликтов. Известность ЛДПР была во многом связана с личностью ее лидера В.В. Жириновского, который проявил себя как яркий оратор популистского плана.

«Феномен ЛДПР», видимо, объясняется просчетами (или расчетами?) Кремля. Политологи отмечают, что к середине 1990-х годов в России в целом сложился режим «управляемой демократии», в рамках которого власть активно влияет на формирование политического поля, используя четыре рычага: административный, силовой, финансовый и информационный [Павроз, 2008: 250]. В этом контексте избирательную кампанию осени 1993 г. можно рассматривать как важный этап на пути к этой системе. В октябре—ноябре шли активное создание и отбор допускаемых к участию в выборах организаций. Наряду с ЛДПР существовали и другие партии и движения, находившиеся в той же идеологической нише. Однако именно эта партия была избрана в качестве «спарринг-партнера» «Выбора России». С этим связывали предоставление В.В. Жириновскому несравнимого с другими количества эфирного времени, что во многом предопределило успех его партии. Радикализм лидера ЛДПР мог стать удобным аргументом при переговорах с Западом как подтверждение тезиса о распространенности агрессивных реваншистских настроений в российском обществе. К этому приему в 1992—1993 гг. не раз прибегал А.В. Козырев, пытаясь мобилизовать поддержку российских реформаторов [Козырев, 1994а: 5]. В США итоги выборов были восприняты как шок, многие на Западе усматривали сходство России с Веймарской Германией. Вице-президент А. Гор решил временно отказаться от практики не комментировать вопросы внутренней политики других стран и объявил В.В. Жириновского главным символом того, чему поклялись противостоять США [Тэлбот, 2003: 128].

Новый Основной закон одобрили на референдуме 58,4% принявших участие в голосовании (32,3% общего числа избирателей страны). Принятие Конституции способствовало формированию политико-правовой определенности, создавало благоприятную основу для возвращения государству субъектности, консолидации элиты, открывало возможность всем ветвям и уровням власти сконцентрироваться на решении созидательных задач. По инициативе Кремля был подготовлен «Договор об общественном соглашении», подписи под которым поставили более 800 политиков: лидеры общественных движений, руководители думских фракций. Его цель видели в поиске компромиссов, налаживании конструктивного диалога между государственными структурами и различными политическими силами России.

24 февраля 1994 г. президент выступил со специальным посланием «Об укреплении российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)», где на основе анализа двухлетнего опыта были определены основные международные приоритеты страны. Твердая и жесткая защита национальных интересов объявлялась главной целью России. Более половины внешнеполитической части послания было посвящено отношениям с новыми независимыми государствами на границах страны и развитию СНГ. Эти территории объявлялись зоной особых интересов и ответственности России. В качестве главных задач ставились всемерное укрепление связей, защита прав русскоязычного населения в этих государствах, активизация интеграционных процессов в рамках СНГ, включая создание эффективных миротворческих механизмов.

Президент констатировал, что ключевой характеристикой в отношениях с западными странами стало партнерство, открывающее благоприятные возможности для более эффективной реализации интересов России в области безопасности, экономики, торговли и бизнеса. Отметив как позитивный факт вхождения страны в ключевые международные организации, президент заявлял, что «эффективный механизм консультаций с Западом до сих пор не отлажен, особенно в том, что касается учета российских интересов». Он обращал внимание на важность создания совместной с Россией системы безопасности. Б.Н. Ельцин прямо сказал: «Мы против расширения НАТО без России». Была поставлена задача восстановления и формирования новых отношений со странами Центральной и Восточной Европы. Б.Н. Ельцин высказался против избирательной поддержки сторон в ходе конфликта на территории бывшей Югославии, выразил намерение России и «впредь играть одну из ведущих ролей в поиске урегулирования кризиса», настаивал на особой роли ООН и Совета Безопасности. Едва ли не впервые

из уст президента прозвучали слова об уникальном евразийском статусе России, определяющем ее взаимоотношения с миром. В этой связи в числе приоритетов внешней политики были названы налаживание стабильных связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно были выделены Китай, Япония и Индия. Не были забыты Латинская Америка и Африка.

Новые ноты звучали и в выглядевшей программной статье А.В. Козырева «Стратегия партнерства», опубликованной в мае 1994 г. Министр писал: «Мы не скрываем своих трудностей и отнюдь не претендуем на то, чтобы Запад аплодировал каждому нашему слову. Равным образом и сами не намерены автоматически следовать за любыми шагами Запада». Он отмечал, что успешной и надежной может быть только такая политика Кремля в отношении Запада и Запада в отношении Кремля, которая будет признавать равноправие и взаимную выгоду обеих сторон, статус и значение России как великой мировой державы [Козырев, 1994b: 9].

Таким образом, можно констатировать, что 1991–1993 гг. были особым периодом внешней политики России. Ее содержание и направленность определялись необходимостью преодоления глубокого экономического, социального, политического и идеологического кризиса, ставшего результатом горбачевской «перестройки». При этом руководству страны приходилось одновременно решать сложнейшие задачи стабилизации социально-экономического положения, проведения глубоких институциональных реформ и конституционного закрепления происходивших в 1991–1993 гг. революционных изменений. Возможность быстрого и эффективного проведения преобразований была ограничена фактической утратой государственной субъектности к началу независимого существования России. Слабость ресурсной базы и неустойчивость социальной поддержки подталкивали руководство страны во внешней политике к ориентации на государства Запада, прежде всего США, без финансовой поддержки которых, считали в России, системная трансформация с утверждением рыночной экономики и демократии едва могла быть успешной. Расчеты на масштабную экономическую помощь оказались завышенными. Намного охотнее Запад и США политически поддерживали российское руководство. В то же время трудности социально-экономического реформирования население связывало с той политикой, которая была навязана международными структурами. Недовольство «прозападным», как считали, курсом проявилось в ходе избирательной кампании осени 1993 г. Формирование нового высшего законодательного органа и принятие новой Конституции стали важными шагами в восстановлении субъектности государства и повышении

уровня его дееспособности. Это позволяло перейти к более сбалансированной внешней политике, основанной на национальных интересах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991. М., 2002.
2. Барсенков А.С. Формирование и развитие новой политической системы // История России XX – начала XXI века / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2008.
3. Ванкуверская декларация // Дипломатический вестник. 1993. № 7–8. С. 7–18.
4. Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия: В 4 т. Т. IV. Документы / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2010.
5. Внешняя политика Российской Федерации. М., 2000.
6. Гайдар Е.Т. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. М., 1998.
7. Глинкина С.П. Методология анализа постсоциалистических трансформаций // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / Отв. ред. С.П. Глинкина. СПб.: Алетейя, 2009.
8. Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М.: Международные отношения, 2009.
9. Горбачев М.С., Барановский В.Г. Россия-2010: российские трансформации в контексте мирового развития. М.: Логос, 2010.
10. Гордон Л.А. Область возможного. Варианты социально-политического развития России. М.: ИМЭМО, 1995.
11. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. 1991–2000. М.: Русское право, 2001.
12. Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. М.: ИНИОН РАН, 2008.
13. Зенькович Н.А. 1991. СССР. Конец проекта. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
14. Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1994а.
15. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994б. № 5. С. 5–15.
16. Кокошин А.А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М.: ЛЕНАНД, 2008.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2.
18. Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
19. Лукин А.В. Неужество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985–1991). М.: Научная книга, 2005.

20. Максимычев И. Россия и Германия. Война и мир. От мировых катастроф к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014.
21. Мельвилль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика / Под. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.
22. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века. К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002.
23. Орлик И.И. Новая геополитическая ситуация // Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI века: В 2 т. / Отв. ред. С.П. Глинкина, И.И. Орлик. Т.1. М.: Наука, 2005.
24. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
25. Панов А.Н. Россия и Япония. Становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века. М.: Известия, 2007.
26. Политическая декларация левой и правой оппозиции // День. 1992. № 39. 27 сент. – 3 окт.
27. Попов Г.Х. Август девяносто первого // Известия. 1992. 21 авг.
28. Попов Г.Х. Реформы Бориса Ельцина. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2012.
29. Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999): В 2 т. Т. 1. Хроника и аналитика. М.: Духовное наследие, 2000.
30. Селезнев Г.К. Новейшая история России и Запад. 1985–1997. М.: Мнемозина, 1998.
31. Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003: В 4 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. 1945–2003. М.: НОФМО, 2004.
32. Смыслов Д.В. История отношений России с международными финансовыми организациями // История новой России. Очерки, интервью: В 3 т. / Под ред. П.С. Филиппова. Т. 1. СПб.: Норма, 2011.
33. Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты политики М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Под ред. А.Б. Вебера, В.Т. Логинова, Г.С. Остроумова, А.С. Черняева. М.: Апрель-85, 1995.
34. Тэлбот С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Городец, 2003.
35. Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013.
36. Филатов С.А. Интервью программе «Русский вопрос». ТВЦ. 2012. 12 декабря.
37. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России. Речь при церемонии вручения диплома Почетного доктора в Дипломатической академии МИД России // Дипломатический ежегодник 1996. М., 1996.
38. Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Дипломатический вестник. 1992. № 13–14. С. 7–11.
39. Шахназаров Г.Х. Цена свободы. М.: Россика, 1993.

40. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М.: ВАГРИУС, 2001.
41. Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Academia, 2008.
42. Якубчак А. Польша и Россия: особенности развития двусторонних отношений (1989–1997). М., 1998.
43. Clinton W., Yeltsin B. New democratic partnership between the United States and Russia // US Department of State Dispatch. 1993. Vol. 4. № 15. Available at: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1993/html/Dispatchv4no15.html> (accessed: 20.04.2014).
44. Friedman T.L. Nixon scoffs at level of support for Russian democracy by Bush // The New York Times. 1992. 10 March.
45. Reddaway P., Gliniski D. The tragedy of Russia's reforms: market bolshevism against democracy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1999.
46. Understandings of Russian Foreign Policy / Hopf T. (ed.). University Park: The Pennsylvania University Press, 1999.

A.S. Barsenkov

**RUSSIAN FOREIGN POLICY
DURING EARLY TRANSITION (1991–1993)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper covers the peculiarities of Russian foreign policy during early transition (1991–1993). The author examines the consequences of ‘perestroika’ of 1985–1991 and exposes the difficulties of Russia’s post-Soviet systemic transformation. The author assesses the crisis of statehood to be the main obstacle to effective domestic and foreign policy. The paper studies the relations between Russia and the West through the ‘conflict of expectations’ concept. The author touches upon the issue of foreign support for the presidential power during the constitutional crisis of 1993. The author examines the impact of the federal elections and adoption of the Constitution of 1993 on Russia’s foreign policy priorities.

Keywords: Russian Federation, Russian foreign policy, Boris Yeltsin, William Clinton, Perestroika, Russian-American relations, systemic transformation, former Soviet Union, ‘conflict of expectations’, foreign assistance, constitutional crisis of 1993.

About the author: *Aleksandr S. Barsenkov* – Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Barsenkov A.S. 2002. *Vvedenie v sovremennuyu rossiiskuyu istoriyu, 1985–1991*. [Introduction to contemporary Russian history, 1985–1991]. Moscow. (In Russ.).
2. Barsenkov A.S. 2008. Formirovanie i razvitie novoi politicheskoi sistemy [Development of a new political system]. In Milov L.V. (ed.). *Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka* [History of Russia in the XX – early XXI centuries]. Moscow, Eksmo Publ. (In Russ.).
3. Vankuverskaya deklaratsiya [Vancouver declaration]. 1993. *Diplomaticheskii vestnik*, no. 7–8, pp. 7–18. (In Russ.).
4. Shakleina T.A. (ed.). 2010. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. Khrestomatiya. Tom IV. Dokumenty* [Contemporary Russia's foreign and security policy. Anthology. Vol. IV. Documents]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.).
5. *Vneshnyaya politika Rossiiskoi Federatsii* [Foreign policy of the Russian Federation]. 2000. Moscow. (In Russ.).
6. Gaidar E.T. 1998. *Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoi politiki postkommunisticheskoi Rossii* [Transition economy: essay on the post-communist Russia's economic policy]. Moscow. (In Russ.).
7. Glinkina S.P. 2009. Metodologiya analiza postsotsialisticheskikh transformatsii [Post-socialist transformations: research methodology]. In Glinkina S.P. (ed.). *Transformatsii na postsotsialisticheskom prostranstve* [Transformations in the former Soviet republics]. St. Petersburg, Aleteyya Publ. (In Russ.).
8. Goldgeier J.M., McFaul M. 2003. *Power and purpose. U.S. policy toward Russia after the Cold War*. Washington, D.C., Brookings Institution Press [Russ. ed.: Goldgeier Dzh., Makfol M. 2009. Tsel' i sredstva. Politika SShA v otnoshenii Rossii posle «kholodnoi voiny». Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.].
9. Gorbachev M.S., Baranovskij V.G. 2010. *Rossija–2010: rossijskie transformacii v kontekste mirovogo razvitiia* [Russia-2010: Russia's transformations in the context of world development]. Moscow, Logos Publ. (In Russ.).
10. Gordon L.A. 1995. *Oblast' vozmozhnogo. Varianty sotsial'no-politicheskogo razvitiia Rossii* [Spectrum of possible. Social and political scenarios for Russia]. Moscow, IMEMO Publ. (In Russ.).
11. Gus'kova E.Yu. 2001. *Istoriya yugoslavskogo krizisa. 1991–2000* [History of crisis in former Yugoslavia. 1991–2000]. Moscow, Russkoe pravo Publ. (In Russ.).
12. *Dva prezidentskikh sroka V.V. Putina: dinamika peremen* [V.V. Putin's two presidential terms: dynamics of change]. 2008. Moscow, INION RAN Publ. (In Russ.).
13. Zen'kovich N.A. 2009. *1991. SSSR. Konets proekta* [1991. USSR. End of project]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ. (In Russ.).
14. Kozyrev A.V. 1994a. *Preobrazhenie* [Transfiguration]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.).
15. Kozyrev A.V. 1994b. *Strategiya partnerstva* [Strategy of partnership]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 5.
16. Kokoshin A.A. 2008. *O sistemnom i mental'nom podkhodakh k miropoliticheskim issledovaniyam* [On system and mental approaches to the studies in world politics]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.).
17. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [The foreign policy concept of the Russian Federation]. 1993. *Diplomaticheskii vestnik*, no. 1–2. (In Russ.).

18. Lavrov S.V. 2011. *Mezhdru proshlym i budushchim. Rossiiskaya diplomatiya v menyayushchemsya mire* [Between past and future. Russia's diplomacy in a changing world]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ. (In Russ.).

19. Lukin A.V. 2005. *Nevezhestvo protiv nespravedlivosti. Politicheskaya kul'tura rossiyskikh «demokratov» (1985–1991)* [Ignorance versus injustice. Political culture of Russian “democrats” (1985–1991)]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.).

20. Maksimychev I. 2014. *Rossiya i Germaniya. Voina i mir. Ot mirovykh katastrof k evropeiskoi bezopasnosti* [Russia and Germany. War and Peace. From global catastrophes to European security]. Moscow, Knizhnyi mir Publ. (In Russ.).

21. Mel'vil' A.Yu. 2004. Stanovlenie transnatsional'noi politicheskoi sredy i «volny» demokratizatsii [Emergence of a transnational political environment and “waves” of democratisation]. In Torkunov A.V. (ed.). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Contemporary international relations and world politics]. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russ.).

22. Myalo K.G. 2002. *Rossiya i poslednie voiny XX veka. K istorii padeniya sverkhderzhavy* [Russia and last wars of the 20th century. On the history of the superpower's fall]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.).

23. Orlik I.I. 2005. Novaya geopoliticheskaya situatsiya [New geopolitical environment]. In Glinkina S.P., Orlik I.I. (eds.). *Rossiya i Tsentral'no-Vostochnaya Evropa. Transformatsii v kontse XX – nachale XXI veka* [Russia and the East-Central Europe. Transformations in the late XX – early XXI centuries]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).

24. Pavroz A.V. 2008. *Gruppy interesov i transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii* [Interest groups and political regime's transformation in Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ. (In Russ.).

25. Panov A.N. 2007. *Rossiya i Yaponiya. Stanovlenie i razvitie otnoshenii v kontse XX – nachale XXI veka* [Russia and Japan. Evolution of bilateral relations in the late XX – early XXI centuries]. Moscow, Izvestiya Publ. (In Russ.).

26. Politicheskaya deklaratsiya levoi i pravoii oppozitsii [Left-wing and right-wing opposition's political declaration]. 1992. *Den'*, no. 39. 27 Sept. – 3 Oct. (In Russ.).

27. Popov G.Kh. 1992. Avgust devyanosto pervogo [August of 1991]. *Izvestiya*, 21 Aug. (In Russ.).

28. Popov G.Kh. 2012. *Reformy Borisa Yeltsina* [Boris Yeltsin's reforms]. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve Publ. (In Russ.).

29. *Rossiya – 2000. Sovremennaya politicheskaya istoriya (1985–1999)* [Russia – 2000. Contemporary political history (1985–1999)]. 2000. Moscow, Dukhovnoe nasledie Publ. (In Russ.).

30. Seleznev G.K. 1998. *Noveishaya istoriya Rossii i Zapad. 1985–1997* [Russia's contemporary history and the West. 1985–1997]. Moscow, Mnemozi-na Publ. (In Russ.).

31. Bogaturov A.D. (ed.). 2004. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. 1918–2003. Tom IV. Dokumenty. 1945–2003* [System history of international relations. 1918–2003. Vol. IV. Documents. 1945–2003]. Moscow, NOFMO Publ. (In Russ.).

32. Smyslov D.V. 2011. *Istoriya otnoshenii Rossii s mezhdunarodnymi finansovymi organizatsiyami* [History of Russia's relations with international financial

institutions]. In Filippov P.S. (ed.). *Istoriya novoi Rossii. Ocherki, interv'yu* [New Russia's history. Essays, interviews]. St. Petersburg, Norma Publ. (In Russ.).

33. Veber A.B., Loginov V.T., Ostroumov G.S., Chernyaev A.S. (eds.). 1995. *Soyuz možno bylo sokhranit'* [It was possible to save the Union]. Moscow, Aprel'-85 Publ. (In Russ.).

34. Talbott S. 2003. *Bill i Boris. Zapiski o prezidentskoi diplomatii* [Bill and Boris. Notes on presidential diplomacy]. Moscow, Gorodets Publ. (In Russ.).

35. Fenenko A.V. 2013. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'. Yadernyi faktor* [Contemporary international security: nuclear factor]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.).

36. Filatov S.A. 2012. *Interv'yu programme «Russkii vopros». T VTs* [Interview on "Russkii vopros" program. TV Centre]. 12 Dec. (In Russ.).

37. Huntington S. 1996. Stolknovenie tsivilizatsii i chto ono mozhet oznachat' dlya Rossii [Clash of civilizations and its implications for Russia]. *Diplomaticheskii ezhegodnik*. Moscow. (In Russ.).

38. Khartiya rossiisko-amerikanskogo partnerstva i druzhby [Charter for American-Russian partnership and friendship]. 1992. *Diplomaticheskii vestnik*, no. 13–14, pp. 7–11. (In Russ.).

39. Shakhnazarov G.Kh. 1993. *Tsena svobody* [The price of freedom]. Moscow, Rossika Publ. (In Russ.).

40. *Epokha Yeltsina. Ocherki politicheskoi istorii* [Yeltsin's era. Essays on political history]. 2001. Moscow, VAGRIUS Publ. (In Russ.).

41. Yazhborovskaya I.S. 2008. *Globalizatsiya i opyt transformatsii v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy* [Globalization and transformation in Central and South-Eastern Europe]. Moscow, Academia Publ. (In Russ.).

42. Yakubchak A. 1998. Pol'sha i Rossiya: osobennosti razvitiya dvustoronnikh otnoshenii (1989–1997) [Poland and Russia: peculiarities of bilateral relations]. Moscow. (In Russ.).

43. Clinton W., Yeltsin B. 1993. New democratic partnership between the United States and Russia. *US Department of State Dispatch*, vol. 4, no. 15. Available at: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1993/html/Dispatch-v4no15.html> (accessed: 20.04.2014).

44. Friedman T.L. 1992. Nixon scoffs at level of support for Russian democracy by Bush. *The New York Times*. 10 March.

45. Reddaway P., Glinski D. 1999. *The tragedy of Russia's reforms: market bolshevism against democracy*. Washington, D.C., United States Institute of Peace Press.

46. Hopf T. (ed.). 1999. *Understandings of Russian foreign policy*. University Park, The Pennsylvania University Press.